

64:Темно, затем темнее

ШТУКИН ОРТЁН

18+

Артём Штукин

64:Темно, затем темнее

<https://litres.ru/74643282>

SelfPub; 2026

Аннотация

2032 год. После ядерной войны всем выжившим приходится жить в Петербургском Метро. Артём, живущий на станции метро "Гражданский проспект" – один из таких выживших. В туннелях не бывает рассветов. Сейчас темно, а затем будет только темнее.

Первая книга запланированной трилогии во вселенной «64 метра».

Содержание

Пролог: День, когда погасло солнце.	4
Глава 1: Гражданка	7
Глава 2: Начало кошмара	12
Глава 3: Подготовка к охоте	16
Глава 4: Дикая охота	23
Глава 5: Безмолвный контракт	30
Глава 6: Все бывает в первый раз	37
Глава 7: Эхо былых времен	52
Глава 8: Тише воды, ниже травы	58
Глава 9: Голос из бездны	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Артём Штукин

64:Темно, затем темнее

Пролог: День, когда погасло солнце.

Все закончилось слишком быстро. Прежний мир, с его бесконечными проспектами, яркими неоновыми вывесками и миллионами спешащих куда-то людей, сгорел в очищающем пламени ядерного апокалипсиса за какие-то пару часов. В тот роковой день небо над Санкт-Петербургом сначала озарилось ослепительной, мертвенно-белой вспышкой, а затем на город опустилась тяжёлая, непроглядная мгла. Рев сирен гражданской обороны, грохот рушащихся высоток и панический крик толпы – это было последнее, что запомнила поверхность перед тем, как превратиться в радиоактивный пепел.

У людей не было времени собирать вещи или прощаться. Единственным спасением для тех, кто оказался в эпицентре катастрофы, стали глубокие гранитные шахты метрополитена. Многотонные гермозатворы станций закрывались со скрежетом и лязгом, навсегда отсекая выживших от привыч-

ной жизни под солнцем. Наземный мир умер, оставив после себя лишь выжженные радиацией руины, на которых воцарился ледяной туман и новые, невиданные ранее хищники вроде крылатых тварей в небе.

Под землей началась совсем другая история. Выжившие быстро поняли: помощи ждать неоткуда. Бывшие пассажиры, рабочие и солдаты были вынуждены приспособливаться к суровым законам подземного существования. Станции метро превратились в крошечные города-государства, окружённые бетонными баррикадами, пулемётными гнездами и дикими перегонами. Воздух здесь стал густым от запаха дешёвого табака, плесени и машинного масла, а единственным источником пищи стали грибные плантации и свинофермы в заброшенных коллекторах.

Самой ценной и одновременно самой опасной профессией в этом новом мире стали Охотники – сталкеры, которые рисковали жизнями, выходя через разрушенные вестибюли на мертвую поверхность за медикаментами, патронами и топливом. Каждая такая вылазка была билетом в один конец.

Человечество выжило, но условия этой новой реальности начали неумолимо менять людей слой за слоем. На глубине шестидесяти четырех метров, в условиях постоянного страха и нехватки ресурсов, границы морали стерлись. Здесь быстро забыли, что такое сострадание, научившись ненавидеть сильнее, чем бояться. Но самое страшное заключалось

в том, что в темноте туннелей, пытаясь победить монстров снаружи, люди не заметили, как начали превращаться в главных чудовищ этого проклятого мира.

Тяжелые цепи блокпостов продолжали держать оборону, а охотничьи фонари едва разрывали вековую мглу заброшенных радиальных перегонов. Каждый, кто решался сделать шаг за безопасный периметр станции, знал: под землей не бывает рассветов. Здесь всегда темно, а затем становится только темнее.

Глава 1: Гражданка

– Боже мой! – вскочил Артём со спального места с ужасом на лице. – Опять кошмар, что за непраха-то?

Парень встал и оглянул палатку-мастерскую. На столе и полках рядом вразброс лежали всякие детали: железки, пружины, различные механизмы. Он обладает даром интуитивно собирать что угодно из всего, что может найти. Ему без проблем удалось починить сломанный фонарик на ходу; отрестаурировать оружие других выживших и не только: он может создать даже свое собственное.

Артём – обычный паренёк 20-ти лет, среднего телосложения, не высокого, но и не низкого роста, побрит под ноль, на голове осталась только светло-русая щетина. Среднестатистический пацан, родившийся в начале 10-х годов.

Он не помнит ничего до момента, как попал в метро. Ни родителей, ни прежних друзей – абсолютно ничего, будто прошлую жизнь стёрли губкой. Единственным близким человеком для него стал отчим. Но и тот пропал без вести во время очередной вылазки на отравленную радиацией поверхность. Всё, что от него осталось – простое кольцо из нержавеющей стали, которое парень теперь носил на шее в качестве подвески. Самая дорогая вещь в его жизни.

– Пора мне идти уже – сказал он. Тёма вышел из своего жилища, и перед ним предстала уже давным-давно знакомая

ему картина: множество палаток, еле горящий свет из люминесцентных ламп, толпы людей, ждущих в очереди на еду и воду. Парень встал в очередь последним.

Люди вокруг болтали о всяком разном: рассказывали байки с других станций, с ностальгией вспоминали о прекрасной жизни на поверхности, но после таких разговоров волной приливала тоска от их нынешнего быта.

В очереди за Артёмом вклинился его приятель Илюха – типичный искатель приключений на голову. Он обожает исследовать туннели, ходить по заброшенным ходам метро. С рассказов самого Ильи, один раз он даже мутанта встретил с поверхности, при этом хвастаясь, как храбро он выстоял и разбил мутанту череп кухонным ножом. Конечно же, Артёму не очень верилось в эти сказки от друга, потому что Илья сам по себе любит выдумывать большую часть истории ради пополнения сюжета своего рассказа.

– Дарова, Тёмыч, – сказал Илья, легонько ударив его по плечу со спины. – Как жизнь живётся, а? Ну рассказывай, есть что интересное?

– Да нет особо, все как обычно, только и сижу в своей палатке, собирая всякую всячину. Недавно Сообщество Охотников наняло меня как инженера для создания снаряжения для вылазок на поверхность. Да, муторно, долго, но я горд собой, что помогаю людям осваивать землю заново. Верю, что с моей помощью мы наконец то сможем выбраться из этой проклятой тюрьмы.

– Опа, Тёмка, а это интересненько, сможешь научить меня собирать всякую снарягу? Хочу поверхность исследовать, вдруг что-то ценное найду.

– Нет, – ответил Артём.

Илья хотел было возмутиться, но вдруг резко пихнул друга локтем в бок и указал подбородком вглубь станции:

– Одиночка ты наш, гляди, там Алина из медицинского блока идёт. Думаю, болт и гайка друг другу не помешают, мм?

– Тебе лишь бы какую-нибудь ерунду сказать, – буркнул Артём, поспешно отворачиваясь. – С такими высказываниями ко мне лучше вообще не подходи.

Илья потускнел, и как будто весь его запал выветрился после отказа друга. Никто не пытался заново начать диалог, поэтому так они и стояли в очереди, дожидаясь своей порции.

– Кто это? – про себя подумал Артём. Крепкий парень его возраста бурил его взглядом. Он обладал необычной внешностью: шрамы на лице, защитные щитки по всему телу, а на спине красовалось огнестрельное оружие. Юноша впервые видит этого неизвестного, и его так и мучает вопрос: кто это и почему он так пристально смотрит на него, как будто впиваясь в его лицо, раздирая его в клочья когтями.

– Эй! Вам что-то от меня нужно? – прокричал он, в надежде что таинственный незнакомец услышит его среди тол-

пы людей, создающих невыносимый гул. Но вместо ответа тот лишь был вынужден наблюдать, как паренёк медленно, свободной походкой уходит вглубь туннеля.

– Охотник что-ли.? Но что рядовому охотнику понадобилось от меня?

Наконец очередь дошла до Тёмы. В его руки вручили обычную похлёбку из грибов и «кофе». Реального кофе, что логично, не осталось, поэтому в метро ходит его аналог. Артём не знал рецепта, но он был настолько отвратителен, что состав этого чудо напитка ему бы никогда не понадобился.

После плотного приема пищи, инженер вернулся в свою каморку. Его рабочий стол был полностью готов для сборки нового орудия для охотников. Он, не мешкая, отправился работать.

Артём – единственный мастер-оружейник в своих краях, поэтому многие обращаются к нему за советом или за помощью. Сейчас, он полностью в работе: создание автомата который будет стоять относительно дёшево и сможет удовлетворить потребности охотников.

Под вечер работа была закончена.

– Ооа.. – зевнул инженер – спать охота, устал как собака..

Задув фитиль самодельной лампы, Артём растянулся на койке. Станция погрузилась в тяжелую, сырую темноту. Но стоило закрыть глаза, как перед ними снова возник яростный, буравящий взгляд незнакомца со шрамами. Сердце застучало быстрее. Артём понял, что эта ночь спокойной не

будет...

Глава 2: Начало кошмара

– Что?

Артём оказался в темном туннеле.

– Что я тут забыл? – забеспокоился и задрожал он, держа в руках недавно сделанный им же автомат.

Резко, со скрежетом и громким эхо из туннеля раздался душераздирающий вой, не похожий ни на животный, ни на человеческий. Туннель казался бесконечной черной пастью, поглощающей остатки воздуха. Твари были близко – Парень кожей чувствовал их гниlostное, горячее дыхание. Он не понимал, что происходит, но точно знал, что осталось два варианта: бегство, либо оборона.

Тёма взял все свои силы в кулак и побежал настолько быстро, насколько это было возможно. Пальцы, испачканные в оружейной смазке, скользили по карабинам бронежилета. Бронепластины тянули вниз, словно налитые свинцом. На ходу сдирая с себя тяжелые щитки, он слышал, как они с глухим стуком катятся по ржавым рельсам. Напряжение все нарастало, его лоб мгновенно покрылся выступившим холодным потом. По туннелю ходило эхо от воя и скрежета когтей об бетонные плиты, все вокруг казалось ему чужим и незнакомым.

Артём начал выдыхаться и приступил к отчаянным попыткам отстреляться от наступающей на него волны мутан-

тов, но, увы, все было без толку. Пули почему-то их не брали, либо же у них просто на глухую отключен инстинкт самосохранения.

– За что, за что, за что?! Почему я должен умереть так? Почему? – кричал Артём в порыве то ли гнева, то ли страха за свою жизнь под смертельной опасностью.

Но путь его перегородил масштабный обвал туннеля, тупик. Твари догнали парня и беспощадно открывали от него куски плоти, довольствуясь живой пищей. Жертва хищников начала терять сознание, но услышала неизвестный голос, прозвучавший прямо над самым ухом:

– Почему ты не спас меня?

Паренёк проснулся в своей кровати, где ему не угрожала опасность, но холодный пот так и сочился с его лба.

– Это был всего-лишь сон?

Артём уткнулся носом в подушку в попытках переварить все, что произошло в этом глупом, душащем кошмаре. Когда он успокоился, ему пришлось встать. Переборов слабость, Артём покинул свое жилище, ведь дела сами себя не делают.

Он не очень-то хотел есть, поэтому прошел мимо столовой. Там он снова увидел Илью.

– Почему он так любит нести такую ерунду... – пробормотал Артём, тихо отступая подальше.

По пути в его голове снова закрутились мысли насчет того странного незнакомца со шрамами на лице, которого он

встретил в очереди.

– Странно, почему-то мне кажется, что лицо того охотника подозрительно мне знакомо... Но вижу я его впервые за все свое время в метро. Откуда же он? Может с другой станции? – размышлял Тёма. Эти мысли никак не уходили из его головы. Парень попытался вспомнить хотя бы что-то из своего прошлого, но все, что он получил в ответ – резкая головная боль. – Попробую расспросить его о всем, что хочу узнать, при следующей нашей встрече.

В этих мыслях Артём дошел до каморки, зажег керосинку над верстаком и проверил свой повод для гордости – модифицированный автомат, который собирал последние недели. Убедившись, что все механизмы работают идеально, он завернул оружие в плотную ткань и направился к выходу.

Вскоре парня встретила надпись: «Штаб охоты».

– Здравствуйте, Мармонт! Я закончил создание нового оружия для использования отрядами охотников, сэр! — восторженно крикнул Тёма.

– Здорбво, Тёмыч, ну ты красавчик! Но можешь опустить формальности, все-таки твой отчим был одним из лучших охотников, – Мармонт тяжело опустил огромную ладонь на плечо парня, отчего Артём невольно пригнулся. – Я лично видел, как он в одиночку вытаскивал раненых из таких передряг, откуда живыми не возвращаются. Весь пост его уважал.

При упоминании отчима у Артёма щемило в груди. Он незаметно запустил пальцы под воротник куртки, нащупы-

вая сквозь ткань холодное стальное кольцо на цепочке.

– Тёмка, твой воспитатель – великий человек. Я надеюсь, тебе передался его талант к охоте. В охотники записаться не хочешь?

– Откажусь, пожалуй, – отрезал Артём. – Опасно там, да и помирать мне в расцвете сил не особо хочется, знаете ли.

– Так не пойдет, нет. Ты, как инженер, создавший свое первое оружие, должен проверить свое изобретение на деле. Я ставлю тебя в ночной дозор на один разочек, вдруг понравится, – настаивает Мармонт.

– Раз уж вы так настаиваете... – обречённо промямлил парень.

– Вот и договорились, сегодня ночью ты отдохнешь, а на следующую ты пойдешь и поработаешь. Смотри не опозорь память своего отчима, так что даже не смей не оправдать мои ожидания, пацан!

Глава 3: Подготовка к охоте

Артём так и не смог сомкнуть глаз. Его целиком, без остатка поглотил липкий, экзистенциальный ужас перед возможной смертью в ледяных, проклятых туннелях метро. Вязкая бессонная ночь тянулась бесконечно, сдавливая грудь и заставляя часами вслушиваться в каждый шорох за брезентовым пологом каморки. Где-то далеко во тьме перегонов капала грунтовая вода, и этот монотонный, глухой звук казался отсчетом времени, оставшегося до его гибели.

Когда условное утро лениво проступило сквозь полумрак станции, окрасив брезентовые стены в грязно-серый цвет, парень наконец сел на скрипучей постели. Голова была тяжелой, словно налитой раскаленной сталью, а под глазами залегли темные тени.

– Сегодня – мой день, – хрипло выдавил он из себя в пустоту, пытаясь наскрести на дне души последние капли оптимизма. Но вышло это паршиво, фальшиво и неубедительно. Собственный голос прозвучал чуждо и испуганно в звенящей тишине каморки.

Понимая, что паника – плохой союзник, Артём заставил себя подняться и начать лихорадочную, усиленную подготовку. Он подошел к верстаку, где тускло горела масляная лампа, сделанная из стреляной гильзы 12-го калибра. На столе царил привычный хаос: шестеренки, пружины, обрезки

стальных трубок и пахнувшая гарью ветошь. Артём взял автомат – свое главное творение, экспериментальное оружие, собранное из деталей трех разных винтовок и кусков металлолома. Этот автомат еще ни разу не использовался в настоящем, грязном бою, и от одной мысли об этом к горлу подступала тошнота.

Пальцы парня мелко дрожали. Когда он попытался вставить затворную задержку, металл соскользнул, и пружина с сухим треском вылетела на грязный пол. Артём замер, тяжело дыша и уперевшись руками в край верстака. В ушах до сих пор эхом отзывался ночной голос: «Почему ты не спас меня?». Ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя, поднять деталь и продолжить работу. Он дотошно перепроверил каждый винтик, смазал шептало и капризные пружины спускового механизма. Снарядив как можно больше боеприпасов, он туго, до треска швов, набил походную брезентовую сумку самым необходимым: запасными магазинами, самодельными бинтами, парой консервов и засаленным фонариком. Закинув жесткий ремень оружия на плечо, он глубоко вздохнул и отправился на блокпост к командиру

– Ну привет, парень! – гулко выкрикнул Мармонт, заметив его у баррикады из мешков с песком. Командир, как всегда, выглядел монументально: тяжелый бронежилет, иссеченный царапинами, закопченный автомат на груди и вечная циничная ухмылка на обветренном лице. – Готов к сегодняшнему крещению? Или штаны уже намокли?

– Сэр, да, сэр! Готов, – чеканно, стараясь изо всех сил скрыть внутреннюю дрожь, ответил Тёма. В старых американских фильмах, которые они пацанами крутили на допотопном проекторе, это всегда звучало круто. Правда, Мармонт его киношного юмора, скорее всего, не разделял.

– Вот и отлично, рекрут. Выдвигаемся в тир, проверим твоё чудо инженерной мысли и тебя заодно в деле. Посмотрим, из какого теста ты слеплен.

Заброшенный тупиковый перегон, приспособленный под станционное стрельбище, встретил их тяжелым запахом пороховой гари, сырости и ржавчины. Здесь было темно и холодно, а свет редких ламп выхватывал из мрака щербатые стены со следами от пуль. Артём дошел до огневого рубежа. Сердце бешено, болезненно заколотилось в груди: он впервые держал в руках полностью боевой, заряженный до отказа автомат с единственной, пугающей целью – выстрелить и уничтожить цель.

– Ну что, поехали! – скомандовал Мармонт, резко дернув за ржавый рычаг на стене. Скрежещущий трос пришел в движение, и механический тир запустился, лениво выталкивая из темноты рваные, закопченные силуэты фанерных мишеней, отдаленно напоминающих мутантов.

Артём замер, до боли вжав жесткий металлический приклад в куртку. Палец судорожно лег на холодный, полированный спусковой крючок. Раз! Первый же выстрел разорвал замкнутое пространство туннеля оглушительным, яростным

грохотом. Он мгновенно отдался резким, болезненным звоном в ушах, ударил сильной отдачей в неподготовленное плечо и долгим, раскатистым эхом покатился по перегонам, заставив посыпаться вековую пыль со сводов. От неожиданности парень зажмурился.

– Промах! Ну ничего, первый блин комом, как говорится! Держи приклад крепче, Тёмка, не давай ему гулять! – зычно поддержал его командир, заложив руки за спину.

Второй выстрел. Ушам было уже не так больно, а дикую, брыкающуюся отдачу удалось поймать и подчинить – пуля с глухим стуком разможила край фанерной головы мишени. Артём внезапно поймал кураж, страх на мгновение отступил, уступая место злости, и он до упора зажал спусковой крючок.

Длинная, безжалостная автоматная очередь громом пронеслась по туннелю. Вспышки пламени из дула на секунду ослепили стрелка, выхватывая из темноты надвигающиеся фанерные щиты. И в это мгновение его накрыла паника: ему показалось, что это не тир, а его ночной кошмар стал реальностью. Ему почудилось, что на него из темноты несутся настоящие, живые твари, раскрывая окровавленные пасти. Барабанные перепонки едва не лопнули от оглушительного рёва оружия, сердце готово было выпрыгнуть из ребер, но, когда патроны в магазине кончились и пороховой дым рассеялся, все мишени оказались густо изрешечены в туловище, безжизненно покачивались на тросах.

– Неплохо, Тёма, очень неплохо! Быстро учишься, весь в отчима своего пошел, – Мармонт довольно ухмыльнулся, подошел ближе и похлопал своей тяжелой, крепкой мужской рукой парня по плечу.

Командир на секунду задержал руку на его плече, и его лицо стало серьезным.

– Твой отчим, парень... Он ведь был лучшим из нас. Безумным, упрямым, но лучшим. Никогда не отступал. Но запомни одну вещь, рекрут: туннели не прощают гордости. Твой отчим ушел наверх и не вернулся не потому, что был слаб. А потому, что поверил, будто может переиграть этот проклятый мир. Не повторяй его ошибок. Если ночью увидишь то, к чему не готов – беги. Жизнь дороже любого героизма. Ты готов к дозору. Ступай.

Однако вся оставшаяся часть дня превратилась для будущего дозорного в изощренную, медленную пытку. Время словно застыло в густом, маслянистом воздухе подземки, наотрез отказываясь приближать роковой час и заставляя парня буквально сходить с ума от ожидания. Он абсолютно не находил себе места, шагая из угла в угол своей каморки. Скучная овощная похлебка в столовой, которую он попытался поесть в обед, казалась совершенно безвкусной, сухой травой застревающей в пересохшем от волнения горле. Руки продолжали мелко, предательски подрагивать.

Вернувшись к себе, он трижды полностью разобрал и заново собрал автомат, смазывая его еще раз, и раз десять пе-

ресчитал патроны в магазине, хотя прекрасно, до боли в глазах знал, что их там ровно тридцать. Ни одним больше, ни одним меньше. Тридцать свинцовых капель, отделяющих его от смерти. Пытаясь нащупать хоть какую-то точку опоры и успокоиться, Артём то и дело сжимал холодное кольцо отчима, висящее на шее. Металл немного охлаждал ладонь, но мысли все равно возвращались к грядущей ночи.

Уже под вечер, лихорадочно бродя по переходам станции и собирая последние вещи, он проходил мимо тускло освещенного медицинского блока. Случайный взгляд сквозь брезентовый разрез выхватил из толпы знакомую, тонкую фигуру. Алина. Она о чём-то тихо, скрестив руки на груди, разговаривала со старым станционным врачом. Ее лицо выражало глубокую заботу и грусть. Парень испуганно, поспешно отвёл глаза, ускоряя шаг и уходя в тень, словно боялся, что она заметит его страх. В груди болезненно и горячо укололо от внезапной, глупой, но такой отчетливой мысли: «А если я вообще не вернусь сегодня из этих туннелей? Если я вижу её в последний раз?» От этой мысли перехватило дыхание, и он крепче сжал ремень автомата.

Но старые станционные часы неумолимо отсчитали назначенный час. Громко, со зловещим металлическим лязгом щёлкнули главные рубильники на щитке. Жилая платформа погрузилась в глубокий полумрак условной ночи, палатки окутал сумрак, и люди поспешили укрыться в своих жилищах. Станция засыпала, замирая и прячась от внешних

угроз. Для Артёма время бодрствования только начиналось. Пора было выдвигаться к тяжелым, холодным гермозатворам, за которыми начинался проклятый дикий перегон. Туда, где его ждал Пост 4.

Глава 4: Дикая охота

Артём впервые в жизни покинул свою родную, относительно безопасную станцию и перешагнул зловещую границу, разделяющую обитаемый мир и мертвую пустоту. Шаг за шагом он углублялся в дикий перегон. Вдалеке, окруженный глухой стеной тьмы, сиротливо стоял аванпост – укрепленная огневая точка, на которой поверх мешков с песком скалился тяжелый оборонительный пулемет.

Пульс Тёмы подскочил так сильно, как никогда прежде. В висках стучала кровь, а дыхание сбивалось от ледяного, сырого воздуха. Он ожидал чего угодно из этой непроглядной, первобытной темноты зловещих туннелей. Ему казалось, что из каждого темного угла на него смотрят голодные, немигающие глаза.

Вдруг где-то в глубоком, бесконечном перегоне раздался гулкий, раскатистый хлопок, больше всего похожий на глухой винтовочный выстрел. Звук срикошетил от бетонных сводов и затих. А вслед за ним из крошечной тьмы, тяжело дыша и спотыкаясь о шпалы, показался израненный, отступающий отряд Охотников. Их броня была покрыта копотью и кровью, а следом за ними, заполняя туннель сплошной, шевелящейся массой, неслась яростная орда Глухарей. Твари визжали, скребли когтями по рельсам и лавиной накатывали на свет аванпоста.

– Эй! Парень, заводи пулемет, а то сдохнем все! – истошно, срывая голосовые связки, прокричал неизвестный мужчина, бегущий во главе отряда. Сталкер на ходу перезаряжал оружие, то и дело оборачиваясь назад.

Артём послушно, повинувшись лишь слепому инстинкту выживания, начал выполнять команду. Пальцы сначала не слушались, путаясь в тяжелых механизмах. Но вот он рванул затвор. Мертвую, звенящую тишину туннеля мгновенно преврал резкий, оглушительный шквал выстрелов. Пулемет зашелся в безумном, захлебывающемся лае. Звук был настолько яростным и мощным, что он буквально закладывал уши, превращая все остальные шорохи в сплошной гул. Отступающий отряд из последних сил успел нырнуть за тяжелые, укрепленные бревнами баррикады, едва-едва успев проскочить в узкий зазор, чтобы не попасть под этот сокрушительный товарищеский огонь.

Сначала напуганные пальцы за оружием отказывались подчиняться разуму. Парень судорожно, мертвой хваткой вцепился в гашетку тяжелого пулемета, не отпуская ее ни на секунду. Зажмурился от ужаса глаза, он почти вслепую поливал свинцом темноту, а его лицо обжигали жаркие, злые вспышки порохового пламени. В этот момент казалось, что кошмар вернулся: что кровожадные Глухари уже рвут его плоть на части, точно так же, как в том проклятом, вещем сне. Липкий страх парализовал мысли.

Но жуткий, непрерывный и оглушительный грохот пуле-

мета – яростный, непреклонный, сотрясающий саму землю – внезапно начал заглушать его собственный внутренний ужас. Этот тяжелый ритм огнестрельного ливня словно заземлил его.

Когда Артём наконец заставил себя открыть глаза, он увидел ошеломляющую картину: в тусклом свете фонарей пулеметные пули буквально рвали безмозглых, лезущих напролом тварей на кровавые части. Ошметки плоти летели во все стороны, а наступающая орда захлебывалась в собственном безумии.

В этот момент внутри парня что-то с громким щелчком переключилось. Паника мгновенно отступила, бесследно испарилась, уступая место бешеному, kloкочущему гневу. Это была чистая ярость. За что эти проклятые монстры заставили его так дрожать от страха? За что этот изломанный, подземный мир замер в вечном ужасе под землей, прячась в норах?

Артём оскалился. Страх полностью испарился, оставив в душе лишь чистый, первобытный азарт хищника. В глазах парня загорелся опасный огонь. Он до самого упора вдавил гашетку, с диким, торжествующим криком поливая пулями темный, заполненный кровью коридор метро.

Теперь не твари охотились на него – здесь, в этой темноте, теперь именно он стал главным охотником.

Внезапно яростный лай оружия оборвался на самой высокой, оглушительной ноте. Раздался сухой, металлический

щелчок. Лента пулемета кончилась. Ливень прекратился так же внезапно, как и начался. На аванпост обрушилась звенящая, мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, хриплым дыханием и шипением раскаленного ствола. Парень все еще продолжал судорожно давить на пустую гашетку, его глаза были широко распахнуты, а в зрачках отражался густой пороховой дым.

Орда Глухарей была уничтожена. Тьма туннеля отступила, оставив после себя лишь горы безжизненных тел.

За баррикадами началось шевеление. Спасенные Охотники, тяжело дыша и кашляя от едкого дыма, начали подниматься с бетонного пола. Тот самый мужчина, что кричал из темноты, первым тяжело перешагнул через бревна. Его закопченное лицо расплылось в широкой, усталой улыбке.

– Ну ты даешь, парень! – восхищенно выдохнул он, с размаху похлопав Артёма по онемевшему плечу. – Если бы не ты и этот твой аппарат, мы бы там, на путях, все кости оставили. Чистая работа!

– Красавец, рекрут! Настоящий Охотник! – подхватил второй сталкер, зажимая рану на руке, но при этом с уважением кивая на пулемет. – Станция должна знать своих героев. Ты нас с того света вытащил!

Они обступили его, наперебой хваля, пожимая ему дрожащие руки и искренне восхищаясь его смелостью. Артём стоял среди них, оглушенный этим внезапным потоком признания. Охотники называли его спасителем, но сам он почти

не слышал их голосов. Вместе с этой победой его накрыла страшная расплата.

Адреналин, который только что гнал кровь по венам с бешеной скоростью, мгновенно испарился. Навалилась такая дикая, ошеломляющая усталость, какой он не чувствовал никогда в жизни. Колоссальный стресс бессонной ночи, вещий кошмар, паника и вспышка рокошущего гнева сожгли все его внутренние силы без остатка. В ушах тонко, невыносимо зазвенело, заглушая восторженные крики охотников. Стены туннеля вдруг поплыли, лица улыбающихся сталкеров начали смазываться, а свет редких ламп превратился в грязные, расплывающиеся пятна. Автомат, висевший на плече, показался неподъемной гирей. Спаситель попытался что-то ответить, сделать шаг назад, опереться на мешки с песком, но ноги подогнулись, словно сделанные из ваты. Земля ушла у него из-под ног, и парень под испуганные выкрики охотников рухнул во тьму, окончательно потеряв сознание.

Пробуждение было тяжелым. Первое, что почувствовал Артём, – это резкий, бьющий в нос запах спирта, сушеных трав и йода. В глаза ударил мягкий, но непривычно яркий желтый свет. Он лежал на жесткой кушетке, а над головой тихо гудел старый вентилятор. Парень попытался пошевелиться, но плечо, в которое наотмашь била отдача пулемета, отозвалось тупой, ноющей болью.

– Тихо, тихо, не вставай. Тебе нельзя сейчас резко дергаться, – раздался совсем рядом тихий, невероятно нежный

девичий голос.

Он повернул голову. Прямо над ним склонилась Алина. Та самая девушка из медблока, на которую он еще несколько часов назад боялся бросить взгляд в коридоре. Ее мягкие, теплые пальцы бережно коснулись его лба, поправляя влажную марлевую повязку. В ее глазах, больших и встревоженных, читалось такое искреннее облегчение, что у Тёмы на мгновение перехватило дыхание. Она ухаживала за ним, аккуратно меняя бинты и следя за его сбивчивым дыханием, пока он метался в бреду.

– Где я?.. – хрипло вытолкнул он из пересохшего горла.

– В медицинском блоке. Тебя принесли Охотники. Сказали, ты спас их отряд на четвертом посту, а потом просто упал замертво, – Алина слегка улыбнулась, и эта улыбка показала Артёму самым правильным, что он видел в этом мрачном мире. – Врач сказал, это сильное нервное истощение. Ты проспал почти четырнадцать часов.

Парень приподнялся на локтях, несмотря на протестующий жест Алины, и обвел взглядом тесное помещение медблока. Вдоль стен стояли другие кушетки, отделенные друг от друга серыми брезентовыми шторами. Там лежали те самые охотники, которых он вытащил из лап глухарей. Кто-то тихо стонал под капельницей, кому-то зашивали раны.

И вдруг взгляд Артёма замер.

На противоположной кушетке, прямо против него, сидел один из спасённых сталкеров. Его тяжелая, иссечённая ког-

тями броня лежала на полу, а сам он был замотан в окровавленные бинты. Из-под капюшона на героя смотрели глаза, которые он не мог забыть. Это был тот самый парень, который молча разглядывал его в очереди за похлебкой. Саша.

Саша не стонал и не спал. Он сидел неподвижно, скрестив руки на груди, и сквозь полумрак медблока пристально, немигающе гипнотизировал своего спасителя тяжелым, полным скрытой обиды и боли взглядом. Между ними снова повисла та зловещая, звенящая тишина. Артём почувствовал, как в висках опять начинает зарождаться знакомая головная боль, словно память внутри его черепа отчаянно пыталась пробить невидимую стену.

Глава 5: Безмолвный контракт

Выписка из медицинского блока не принесла Артёму облегчения. Психика восстановилась после пережитого шока, тело налилось прежней силой, но разум остался заперт в душной, лихорадочной клетке. Молчание загадочного Охотника не давало парню покоя ни на секунду. Саша ушел из палаты на следующий же день, так и не произнеся ни единого звука, но его леденящий, пристальный взгляд, полный невысказанной боли и древней обиды, буквально выжгло на сетчатке Тёмы.

Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел эти обвиняющие глаза. Временами, когда парень возвращался мыслями к той немой встрече, старый, побелевший шрам на его виске начинал мелко, предупреждающе ныть. Амнезия, надежно хранившая тайны его шестилетнего детства, словно давала глубокую трещину. Он отчетливо понимал: единственный способ расколоть этот лед, достучаться до немого Охотника и узнать, почему его силуэт кажется до безумия знакомым – это стать таким же, как он. Ступить на его территорию.

Артём принял решение. Он официально попросился в ряды Охотников. Мармонт, все еще под впечатлением от пулеметного побоища на четвертом посту, не стал возражать, однако выделил парню лишь старый сталкерский плащ и сухой

паек. Чтобы заслужить право называться настоящим Охотником, Артёму нужно было пройти боевое крещение на поверхности или в диких перегонах.

Шанс представился куда быстрее, чем Тёма мог предположить.

Спустя три дня над платформой станции разнесся тревожный, дребезжащий звон станционного колокола. Такой сигнал означал лишь одно – экстренный сбор Охотников у центрального командного штаба. Артём, на ходу поправляя ремень своего экспериментального автомата, поспешил к баррикадам.

Там уже собралась хмурая, немногословная толпа бывалых бойцов. Воздух в туннеле казался густым от запаха дешевого табака и тяжелого предчувствия. На возвышении из деревянных ящиков стоял капитан. На его лице не было привычной циничной ухмылки – только суровые, глубокие морщины и ледяная решимость.

– Тише, мужики! – зычно выкрикнул командир, и гул голосов мгновенно стих. – Приказ сверху. Нам нужно собрать разведывательный отряд. Задачу объясняю один раз. Цель – дальний радиальный перегон, сектор «Ноль-Четырнадцать».

По толпе сталкеров прошел глухой, испуганный ропот. Кто-то нервно сплюнул на рельсы, кто-то размашисто перекрестился. Сектор «Ноль-Четырнадцать» был мертвой зоной. Проклятым лабиринтом, откуда год назад не вернулся элитный отряд под руководством отчима Артёма. Это было

место, ставшее братской могилой для лучших бойцов станции.

– Разведка докладывает, что оттуда фиксируется странная активность тварей. Гермозатворы могут не выдержать, если начнется прорыв. Нужно пойти туда, оценить обстановку и вернуть разведывательные данные. Сразу предупреждаю: это билет в один конец. Шансы вернуться – минимальные. Мне нужны добровольцы. Кто готов?

Станция замерла в тяжелом, звенящем безмолвии. Бывалые Охотники, прошедшие десятки вылазок, отводили глаза, пряча взгляды под козырьками кепок и капюшонами плащей. Никто не хотел добровольно шагать в пасть к чудовищам, которые сожрали сильнейших.

Артём почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди. Пальцы сами собой нащупали на шее холодный ободок кольца отчима. Это был его шанс. Его личный долг.

Парень сделал твердый шаг вперед, выходя из толпы прямо к ящикам.

– Я пойду, – громко, без тени сомнения выдохнул он. Его голос прозвучал на удивление твердо, эхом отразившись от гранитных сводов.

Мармонт медленно перевел на него тяжелый взгляд. Его брови гневно сошлись на переносице, а кулаки сжались.

– Назад в строй, рекрут! – резко, как отрезал, прикрикнул командир. – Ты еще зеленый, как трава на поверхности! То, что ты один раз удачно зажал гашетку стационарного пуле-

мета, не делает тебя Охотником. В секторе «Ноль-Четырнадцать» твоя инженерный автомат заклинит в первую же секунду, а твари сожрут тебя до того, как ты успеешь снять ее с предохранителя. Мне нужны люди со стальными нервами, а не мальчишки с суицидальными замашками. Я сказал – нет!

Артём открыл рот, собираясь возразить, но слова застряли в горле. Мармонт был непреклонен, а толпа сталкеров за спиной согласно зашумела.

И в этот самый миг из глубокой тени массивной колонны медленно выступил силуэт. Тяжелая, покрытая глубокими шрамами от когтей брони, глубокий капюшон, полностью скрывающий лицо. Саша.

Он шел абсолютно бесшумно, словно призрак, материализовавшийся из самой темноты метро. Охотники невольно расступались перед ним, уступая дорогу – авторитет этого немого, не знающего страха человека на станции был непрекаем. Саша подошел вплотную к Артёму.

Он не произнес ни слова. Он не стал спорить, кричать или доказывать что-то командиру. Саша просто молча встал плечом к плечу с Тёмой. Его массивное плечо в броне слегка коснулось куртки парня. Затем Сталкер медленно поднял голову, и его ледяные, пронзительные глаза из-под капюшона сфокусировались прямо на Мармонте. В этом немом взгляде читался непреклонный, жесткий контракт: «Я иду с ним. И ты нас не остановишь».

Мармонт осекся на полуслове. Его челюсть слегка дер-

нуться. Командир переводил ошеломленный взгляд с молчаливого Саши на замершего Артёма. На платформе воцарилась такая тишина, что было слышно, как шуршит песок под сапогами Охотников. Спорить с Сашей было бесполезно – если этот матерый волк брал под крыло молодого парня, значит, вылазка обретала совершенно иной оборот.

Командир тяжело, шумно вздохнул и устало потер переносицу.

– Черт с вами... – глухо проворчал командир, махнув рукой. – Раз уж сам Саша вписывается за тебя, Тёма... значит, так тому и быть. Добро на вылазку дано. Собирайте снаряжение. Выдвигаетесь через час, пока рубильники не переключили на ночь. Да хранит вас то, что осталось от этого мира.

Толпа начала медленно расходиться, а Артём повернулся к своему безмолвному напарнику.

– Спасибо, – тихо сказал он, глядя в темноту под капюшоном. – Почему ты мне помогаешь? Кто ты такой?

Саша не ответил. Он лишь на секунду задержал свой тяжелый, загадочный взгляд на лице Артёма, а затем развернулся и стремительным шагом направился к оружейным складам. На его поясе тускло поблескивала рукоять сложенного ножа-бабочки.

Сборы были недолгими. Инженер лихорадочно проверял магазины к автомату, заталкивая в подсумки последние патроны. Когда он уже набрасывал на плечи охотничий плащ, в дверях его каморки появилась тонкая фигура. Это была Али-

на. Ее лицо было бледным, а в руках она сжимала небольшой чистый бинт.

– Ты с ума сошел? – ее голос дрожал от сдерживаемых слез. – Зачем ты вызвался? Все знают, что из этого сектора никто не возвращается! Твой отчим... он ведь пропал именно там!

Артём подошел к ней ближе. Страх перед неизвестностью внезапно отступил, уступая место какому-то странному, фатальному спокойствию.

– Именно поэтому я и должен идти, Алина, – тихо, но твердо ответил он, глядя ей прямо в глаза. – Я должен узнать, что там произошло. И я должен понять, кто этот парень, который молчит. Обещаю, я буду осторожен.

Алина ничего не ответила. Она лишь судорожно вздохнула и на мгновение крепко, до боли прижалась к его груди, уткнувшись носом в жесткую ткань плаща. Артём почувствовал тепло ее тела, и внутри него шевельнулось что-то чистое, светлое – то, ради чего действительно стоило выживать в этих проклятых туннелях.

Через сорок минут они стояли у гигантских, покрытых ржавчиной гермоворот дальнего перегона. Тяжелые цепи натянулись, скрежеща металлом, и многотонная железная дверь начала медленно, с неохотой отползать в сторону, открывая проход в неизвестность.

Из открывшегося проема пахло ледяным, застоявшимся воздухом мертвых туннелей, сыростью и тонким, едва

уловимым запахом опасности. Саша первым щелкнул тумблером на своем налобном фонаре. Яркий белый луч прорезал вековую тьму сектора «Ноль-Четырнадцать». Сталкер перехватил оружие и сделал первый шаг за гермозатвор.

Артём крепче сжал рукоять своего автомата, бросил последний взгляд на гаснущие огни родной станции и шагнул следом за ним, растворяясь в темноте. Экспедиция началась.

Глава 6: Все бывает в первый раз

Ледяная сырость дикого перегона пропитывала одежду насквозь уже через несколько сотен метров. Артём шел по шпалам, стараясь дышать как можно тише, но в этой звенящей, вековой тишине даже шорох его собственных сапог казался оглушительным. Туннель сектора «Ноль-Четырнадцать» выглядел по-настоящему мертвым и заброшенным. Бетонные своды покрылись толстым слоем черной плесени, которая свисала длинными, влажными хлопьями. Рельсы местами проржавели до основания, превратившись в хрупкую рыжую крошку, а из глубоких трещин в потолке сочилась грязная, маслянистая вода, с тихим, раздражающим стуком падающая в дренажные канавы.

Вся их разведка держалась на двух лучах света. Мощный, холодный пучок налобного фонаря Саши уверенно разрезал мрак впереди, в то время как тусклый, постоянно подрагивающий желтый свет самодельного светильника Тёмы едва позволял парню не споткнуться о полусгнившие шпалы.

Новоиспечённый Охотник больше не мог выносить эту давящую тишину. Психологическое напряжение росло с каждым шагом, и Сашина немота начала казаться ему зловещей стеной, которую необходимо разрушить.

– Слышишь... – негромко позвал Артём, сделав шаг быстрее, чтобы поравняться с напарником. – Мы ведь... мы ведь

виделись раньше, да? На станции, в очереди, ты так смотрел на меня. И сейчас... Почему ты молчишь? Тебе что, язык вырвали?

Саша даже не вздрогнул. Он резко, почти механически остановился, но не повернул головы к товарищу. Охотник просто медленно поднял руку, требуя тишины, а затем слегка развернул корпус. Из-под глубокого капюшона на Артёме сверкнули ледяные, пронзительные глаза. В этом взгляде не было злости – в нем читалась такая глубокая, выжженная годами обида и глухая боль, что Тёма невольно отступил на полшага. Саша ответил ему абсолютным, леденящим безмолвием, словно напарник только что совершил какое-то предательство, просто заговорив с ним. Развернувшись, Охотник продолжил бесшумный марш во тьму, демонстративно игнорируя напарника. Артём лишь тяжело вздохнул, сжав рукоять автомата. Контакт не удался, а загадка стала еще мучительнее.

Вскоре туннель сделал резкий поворот, и лучи фонарей выхватили расширение перегона – старую техническую платформу. Здесь когда-то располагался передовой лагерь Охотников. Того самого отряда отчима.

Напарники медленно взошли на платформу. Под ногами с сухим хрустом лопались стреляные пулеметные гильзы – их здесь были тысячи, они покрывали бетон сплошным ковром. Всюду виднелись следы страшного побоища. Брезентовые палатки были разорваны в клочья, тяжелые ящики из-под

патронов перевернуты, а на гранитных стенах четко проступали глубокие, рваные борозды от гигантских когтей. Железобетонные перекрытия были опалены пороховыми вспышками и огнеметами.

Саша молча подошел к перевернутому столу и посветил вниз. Артём шагнул следом. На полу, среди кусков обгоревшей ткани, лежал разбитый армейский планшет. Экран был расколот, но из корпуса торчал чип памяти военного образца. Немой Охотник жестом указал Тёме подобрать его. Парень бережно принял и спрятал чип в карман – если на станции удастся его расшифровать, они узнают, что произошло в последние минуты жизни отряда.

Чуть дальше, у самой кромки платформы, тусклый луч фонарика инженера зацепил металлический блеск среди кучи ржавого мусора. Парень остановился и посветил ближе. На грязном бетоне лежала старая, помятая армейская фляга. Ее стальной бок был безжалостно прошит пулями, а из пробитых отверстий на всю округу разносился резкий, застарелый запах дешевого, скисшего вина – отчим всегда носил такое с собой в вылазки, утверждая, что оно согревает кровь лучше любого чая.

Артём замер, чувствуя, как внутри него все похолодело. Это была фляга отчима. Без сомнений. Парень медленно опустился на одно колено и протянул дрожащие пальцы, касаясь холодного, исцарапанного металла.

В ту же секунду в его голове словно взорвалась ручная

граната. Шрам на виске пронзил острой, ослепляющей болью, от которой потемнело в глазах. В ушах с сумасшедшей громкостью завывала призрачная, далекая сирена. Вой, крики, грохот взрыва, летящие осколки бетона и чья-то отчаянно тянущаяся к нему рука... Он судорожно схватился за голову, едва не выронив автомат. Стены туннеля пошли глубокими трещинами в его сознании, амнезия снова рвалась по швам, но разрушенная картинка прошлого никак не желала складываться воедино. Он чувствовал, что разгадка близко, но она ускользала, оставляя лишь дикую головную боль.

Тяжелая рука Саши грубо схватила его за шиворот плаща и рывком подняла на ноги. Охотник встряхнул парня, заставляя того прийти в себя, и молча указал фонарем вперед.

Тёма с трудом сфокусировал зрение и обомлел. Впереди туннель заканчивался колоссальным провалом. Огромные, многотонные гермозатворы, которые должны были намертво блокировать сектор, были не просто сломаны – их буквально вырвало с корнем, вывернув наружу искореженный толстый металл. Какая-то невероятная, чудовищная сила разнесла эту преграду изнутри туннелей, открывая прямой путь вверх.

За вырванными гермоворотами начинался широкий подъем. Ржавые, заваленные обломками перекрытий ступени старого эскалатора уходили круто вверх, вглубь вентиляционной шахты. Саша сделал знак «внимание» и первым начал подъем.

Они успели пройти лишь до середины высоты, когда мертвую тишину разорвал жуткий звук. Сверху, со стороны выхода на поверхность, донеслось множественное, быстрое шуршание когтей по бетону и противный, ультразвуковой писк.

– Источник шума, – мысленно перевел парень жест молчаливого Охотника, который уже вскидывал оружие.

Из темноты верхнего вестибюля на эскалатор хлынула сплошная, серая лавина существ. Артём вскинул фонарь, и его луч выхватил мерзкие, уродливые морды. Это были Кро-ты – крупные, размером с собаку, подземные твари с абсолютно слепыми, затянутыми кожей глазницами, огромными когтистыми лапами и длинными, обнаженными резцами. Они не видели людей, но они идеально реагировали на малейший звук и свет.

– Гаси свет! – жестом приказал Саша, но было уже поздно.

Луч самодельного фонаря Артёма сработал как маяк. Орда Кротов с яростным визгом ринулась вниз по ступеням, ориентируясь на вспышку.

Туннель содрогнулся от грохота. Саша открыл огонь короткими, выверенными очередями, срезая первых тварей. Инженер вскинул свой экспериментальный автомат, поймал в прицел прыгнувшего Крота и нажал на спуск. Выстрел! Пуля разнесла голову монстра, отдача привычно ударила в плечо. Парень перевел ствол на следующую цель, нажал крючок снова и... Раздался сухой, мертвый щелчок.

Автомат заклинило. Самодельный механизм подачи па-

тронов подвел в самый ответственный момент, намертво заклинив раздутую латунную гильзу в патроннике.

Крот с раскрытой пастью уже летел прямо на Артёма. Парень в ужасе отпрянул, скатившись по ступеням вниз, и забился в узкую нишу между разбитым поручнем эскалатора и стеной. Кроты, привлеченные шумом борьбы, лавиной ломанулись к его укрытию.

Началась паника. Сердце Артёма готово было разорвать ребра, пот заливал глаза. Он лихорадочно вытащил из кармана небольшой рабочий нож, зубами перехватил фонарик и начал яростно ковырять заклинивший затвор. Пальцы соскальзывали, он ломал ногти в кровь о жесткую сталь, а визг тварей над головой становился все ближе. Металл скрежестал, Артём безумно дергал затворную раму, понимая, что если он прямо сейчас не освободит патронник, его просто заживо сглодают в этой каменной щели. Одна из слепых морд уже просунулась в нишу, щелкая резцами в сантиметре от его лица.

В этот критический момент прямо перед его нишей мелькнула серебристая вспышка.

Клац-клац.

Саша вырос перед ним словно из-под земли. В его руке с невероятной, гипнотической скоростью провернулся нож-бабочка, сталь рассекла воздух, и длинное лезвие с хрустом вошло Кроту точно между слепых глазниц. Охотник легким движением выдернул нож, крутанул его в пальцах и вторым

ударом вспорол горло следующей твари. Лязг бабочки звучал в темноте как смертоносная, безупречная музыка. Он действовал хладнокровно, полностью закрывая собой нишу Артёма и буквально выкашивая слепых тварей в ближнем бою, пока парень с последним яростным хрипом наконец вытолкнул ножом проклятую гильзу. Загнав новый патрон в ствол, Тёма высунулся из ниши и в упор расстрелял нападавшего на напарника монстра.

Отбив первую волну, немой Охотник резко схватил товарища за руку и потянул за собой. Они рванули наверх по ступеням эскалатора, оставляя позади пищащую и грызущую собственных мертвецов орду Кротов.

Они выскочили сквозь пролом разбитого вестибюля наружу, на полуразрушенную станцию «Гражданский проспект», и Артём мгновенно замер, позабыв как дышать. Его самодельный фонарь выпал из ослабевших пальцев, покотившись по битому кирпичу.

Парень впервые в жизни увидел то, о чем на станции ходили лишь легенды. Небо. Не бесконечный серый бетонный свод метро, а бескрайнее, глубокое черное небо, усыпанное миллиардами холодных, сверкающих звезд. Этот вид завораживал, дарил ложное чувство свободы, но реальность вокруг была сущим кошмаром.

Весь мир на поверхности был разрушен. Вокруг высились колоссальные, мертвые коробки многоэтажных домов с черными глазницами выбитых окон. Улицы превратились в ме-

сиво из искореженного ржавого металла, обломков бетона и высохших, уродливых деревьев. В сером радиационном тумане творился настоящий ужас: земля содрогалась от далеких криков, а в ночном небе, закрывая собой звезды, летали гигантские крылатые силуэты. Артём с содроганием разглядел их кожистые крылья, длинные зубастые клювы и мощные лапы. Птеродактили. Настоящие хозяева этого мертвого воздуха, которые кружили над руинами в поисках добычи.

Саша грубо толкнул Артёма в плечо, заставляя пригнуть голову. Они начали скрытно, короткими перебежками пробираться сквозь этот полуразрушенный, призрачный город. Путь до Мурино предстоял неблизкий и смертельно опасный. Они двигались на север, пробираясь через заваленные обломками дворы и разбитые проспекты, где некогда бурлила жизнь. Дорогу преграждали заржавевшие остовы питерских трамваев и смятые всмятку автомобили, превратившиеся в бесформенные груды железа.

Вскоре они вышли к руинам старого Северного рынка. Торговые ряды превратились в месиво из бетонных плит и оплавленного пластика. Луч фонаря Артёма выхватывал из грязи жуткие призраки прошлого мира: разорванную детскую мягкую игрушку, засыпанную радиоактивным пеплом, разбитую неоновую вывеску какого-то магазина. Но самым страшным здесь было другое. Саша резко дёрнул Артёма вниз, заставляя прижаться к остоу грузовика. Прямо над ними, под козырьками полуразрушенных павильонов, висе-

ли гигантские, грязно-серые коконы. Гнездо. Они медленно, едва заметно пульсировали, а изнутри доносился тихий, утробный скрежет. Какая-то огромная стая спала прямо у них над головами. Артём затаил дыхание, боясь сделать малейший шорох. Они пробирались мимо этого гнезда буквально на цыпочках, аккуратно переступая через битое стекло, чувствуя, как холодный пот струится по спине под плащом. Если хоть один кокон пробудится – им конец.

Радиационный туман становился все гуще, он буквально лип к полам их плащей, вынуждая Артёма постоянно поправлять тяжелую маску противогаза. Дышать было трудно, фильтр отзывался сухим, свистящим хрипом. Каждый метр давался с боем: приходилось аккуратно обходить огромные воронки от ядерных ударов, заполненные мутной, слабо светящейся зеленым светом радиационной жижей. Один неверный шаг – и подошва сапога сгорит в этой кислоте.

В какой-то момент им пришлось замереть на долгие десять минут под защитой разбитого бетонного козырька бывшего магазина. Прямо над ними, на крыше изуродованного двухэтажного автобуса, огромный крылатый птеродактиль с омерзительным хрустом разрывал на части какую-то многоногую наземную тварь, оглашая окрестности победным, леденящим душу клекотом. Артём сжимал автомат так крепко, что онемели пальцы, а Саша стоял рядом неподвижно, как каменное изваяние, лишь его глаза под капюшонами непрерывно сканировали сектора обстрела.

Когда монстр улетел, они двинулись дальше, пересекая невидимую черту города. Вдруг Артём остановился как вкопанный у подножия трехэтажного здания, половина которого превратилась в груды кирпича. На уцелевшей стене туннеля тускло поблескивала ржавая металлическая табличка, а на земле валялись остатки детских качелей и разбитые школьные парты.

Шрам на виске снова отозвался дикой, пульсирующей болью. Внутри Артёма словно открылся запертый шлюз.

«Это... это моя школа...» – пронеслось в его голове оглушительным эхом. Он вспомнил этот двор, вспомнил, как бежал здесь, будучи маленьким мальчиком, до того, как его жизнь навсегда ушла под землю. Трещина в амнезии расширилась, вернув ему кусок его личной биографии, но главного ответа она так и не дала. Артём посмотрел на стоящего рядом Сашу, впиваясь взглядом в его скрытое капюшон лицо, но память упорно молчала – он так и не смог вспомнить, что этот молчаливый, суровый Охотник когда-то был его лучшим другом, который бежал вместе с ним по этим самым школьным коридорам. Саша заметил его взгляд, но лишь крепче сжал автомат, отворачиваясь. Обида Саши осталась непоколебимой.

Они миновали остатки гигантской эстакады КАДа, разорванной пополам мощным взрывом. Огромные бетонные пролеты рухнули вниз, образовав причудливые рукотворные пещеры. Из этих провалов доносился отчетливый, пугающий

скрежет и утробное ворчание – там явно гнездилось что-то крупное. Саша сделал резкий жест рукой, приказывая обойти опасный участок по широкой дуге через поле. Им пришлось ползти на животах по жухлой, бьющей током от радиации траве, чтобы не привлечь внимание тех, кто затаился под обломками моста.

Наконец они вышли к окраине. Впереди раскинулось огромное, бесконечное поле, за которым в сером тумане угадывались силуэты гигантских, мертвых недостроенных высоток. Это был сектор «Ноль-Четырнадцать» – Мурино. Бывший оживленный район, который теперь превратился в дикую, смертельно опасную пустошь на самой границе Гражданки. Здесь туман был особенно густым, а из земли торчали бетонные сваи недостроенных домов, похожие на гнилые зубы огромного чудовища.

Саша и Артём медленно пробирались через высокую сухую траву, как вдруг Охотник резко упал на живот. Артём рухнул следом, вжимаясь в холодную грязную землю и стараясь даже не дышать.

Сквозь пелену тумана, всего в тридцати метрах от них, показались силуэты. Это были абсолютно новые, никому не виданные ранее твари. Гигантские, покрытые плотным косяным панцирем существа передвигались на четырех мощных лапах, а их длинные хвосты заканчивались острыми шипами. У них не было глаз, но огромные ноздри шумно втягивали ледяной воздух, вынюхивая чужаков.

Внезапно одна из тварей резко повернула голову в их сторону. Земля под Артёмом предательски хрустнула – сухая ветка сломалась под его коленом.

Монстр издал утробный, леденящий душу рев, который подхватили остальные особи. Костяные твари мгновенно заметили людей и лавиной ринулись через поле, развивая бешеную скорость. Земля задрожала под их весом.

– Бежим! – этот жест Саши не нуждался в объяснениях.

Охотники вскочили и бросились назад, к спасительным руинам города. Но обратный путь превратился в настоящий ад. Силы были на исходе, адреналин выжигал остатки выносливости. Ноги вязли в липкой грязи огромного поля, легкие разрывало от нехватки кислорода через забитые фильтры противогазов. Тяжелый, ритмичный топот костяных монстров за спиной стремительно приближался. Твари настигали их с пугающей быстротой, их костяные панцири скрежетали при каждом прыжке.

Они бежали назад по своим же следам, мимо разорванного КАДа. И тут на запах свежей крови и грохот погони отреагировало небо. Из серых туч, разинув зубастые клювы, камнем вниз бросился огромный Птеродактиль. Его мощные кожистые крылья с шумом рассекали воздух. Монстр целился прямо в Артёма, выставив вперед когтистые лапы.

Саша на бегу мертвой хваткой вцепился в ремень плаща парня и с силой рванул его в сторону, увлекая за собой в проем под бетонную плиту. Тварь с жутким клекотом про-

махнулась, подняв в воздух тучу вековой грязи. Саша тут же вскинул автомат и открыл яростный огонь вверх, заставляя крылатого хищника заложить крутой вираж.

В этот момент Артём понял, что автомат снова заклинило на бегу – патрон перекошило. Парень бежал изо всех сил, на ходу, спотыкаясь о куски бетона, ломая пальцы, пытался оттянуть затворную раму обратно и вытряхнуть застрявшую латунь. Монстр сверху заходил на второй круг, пикируя прямо на них со стороны полуразрушенных развязок. Саша стрелял на ходу, но патроны в его магазине кончились, автомат сухо щелкнул. Птеродактиль был уже в пяти метрах, его когти тянулись к голове сталкера. В последнюю секунду Артём с яростным криком наконец вогнал затвор на место, вскинул автомат и почти вслепую, навскидку, нажал на спуск. Выстрел в упор! Тяжелая пуля разнесла крылатой твари грудную клетку. Монстр тяжело рухнул на землю, кубарем покотившись по разбитому асфальту прямо за ними. Костяные твари позади на секунду замешкались, набросившись на раненого собрата, и это дало людям драгоценные секунды.

Монстры не отставали, они обходили обломки эстакады с флангов, пытаясь зажать людей в клещи. До разбитых стен вестибюля «Гражданского проспекта», где находился спасительный вход в метро, оставалось еще метров пятьдесят, когда Артём понял: они не успеют добежать. Твари были слишком близки, парень уже чувствовал спиной их горячее, зловонное дыхание.

В этот критический момент Саша проявил всю свою сталкерскую суть и хладнокровие. На бегу он ловким, отточенным движением сорвал с пояса тяжелую оборонительную гранату, зубами выдернул чеку и, резко развернувшись на каблуках, швырнул ее прямо под лапы набегающей орде тварей.

– Ложись! – Охотник наотмашь толкнул Артёма спиной вперед, падая сверху и закрывая его своим телом.

Они резко отскочили за массивный обломок бетонной плиты в ту самую секунду, когда Мурино озарилось ослепительной вспышкой.

Грохот взрыва был такой силы, что Артёма едва не оглушило, а по спине больно ударило комьями земли и осколками костяных панцирей. Твари впереди заколотились в предсмертных судорогах, их сплошной ряд был разорван взрывной волной и стальными осколками. Поле заволокло едким черным дымом.

Не теряя ни секунды, пока выжившие монстры были дезориентированы дымом и огнем, Саша вскочил, рывком поднял Артёма за руку. Обратный бег сквозь разбитый вестибюль станции был сплошной вспышкой боли. Они скатывались по ступеням эскалатора, спотыкаясь о тела Кротов, которых расстреляли час назад. Хрипя, задыхаясь и теряя остатки сил, они бежали по темному туннелю обратно к родной станции. Каждый шаг отзывался дикой болью в мышцах, страх, что костяные твари прорвутся вслед за ними в метро,

гнал их вперед.

Наконец впереди показались спасительные, мощные лучи прожекторов блокпоста Гражданки. Они успели ворваться в темный зев родной станции. Тяжелый гермозатвор за их спинами начал со скрежетом закрываться, навсегда отсекая их от преследующего ужаса поверхности и сектора «Ноль-Четырнадцать». Первая настоящая вылазка была окончена. Артём без сил рухнул на колени прямо у ворот, срывая противогаз и жадно глотая станционный воздух. Но он знал – главные кошмары были еще впереди.

Глава 7: Эхо былых времен

Артём проснулся рывком, тяжело дыша и мгновенно срываясь на ноги. Первые лучи аварийных стационарных ламп, возвещавшие о наступлении условного утра, едва пробивали полумрак мастерской. Парень не помнил, как дошел до кровати, но в голове сразу вспыхнула одна-единственная мысль. Он лихорадочно бросился к сталкерскому плащу, висевшему на спинке стула, и запустил руку во внутренний карман.

Паника накрыла его с головой. Забыв о ноющей боли в мышцах, Артём принялся лихорадочно переворачивать вверх дном свою крошечную каморку. На пол с грохотом полетели стальные шестеренки, пружины, обрезки стальных трубок и пустые гильзы со стола. Он вытряхнул все содержимое из брезентовой сумки, перерыл засаленную ветошь у верстака, ломая ногти о ящики с инструментами, но маленького прямоугольного кусочка пластика нигде не было. Военный чип памяти отряда отчима исчез. Скорее всего, он выскользнул из незастёгнутого кармана во время безумного бегства от Птеродактиля на разрушенном КАДе.

Обреченно опустив голову, Артём вышел из каморки. Когда парень шел по платформе в сторону штаба, он был готов к худшему – к крикам Мармонта, к позорному отстранению от службы, к тому, что его признают профнепригодным.

Дверь кабинета командира тихо скрипнула. Мармонт си-

дел за столом, изучая карту перегонов. Услышав сбивчивый, тихий доклад подопечного о потере чипа, он не вскочил и не начал орать. Командир лишь медленно откинулся на спинку стула и тяжело, устало вздохнул, потирая переносицу. На его лице проступила глубокая, вековая скорбь человека, который слишком много раз терял людей в этих туннелях.

– Я не стану ругать тебя, Тёма, – тихо, без тени привычного цинизма произнес Мармонт, глядя парню прямо в глаза. – Я бывал в секторе «Ноль-Четырнадцать». То, что вы с Сашей вообще вернулись оттуда живыми и на своих двоих, – это уже чудо. Я понимаю, какой ад там творится. Но ты должен понимать: этот чип – последнее, что оставил после себя твой отчим. Единственное свидетельство его последних минут. Если ты хочешь вернуть память о нем и узнать правду, тебе придется вернуться. Но это твой личный выбор. Я не имею права приказывать тебе снова шагать в эту пасть.

Тёма сглотнул вязкую слюну. Взгляд его упал на холодное кольцо отчима, висевшее на шее.

– Я вернусь, сэр, – твердо ответил он. – Я найду его.

Выйдя из штаба, Артём направился к складу снаряжения, но не успел пройти и пары пролетов, как из тени медицинского блока выбежала тонкая фигура. Алина. Ее лицо было бледным, под глазами залегли тени от беспокойной ночи, а в руках она сжимала чистые бинты. Заметив лихорадочный блеск в его и охотничий плащ на плечах, она все поняла без слов.

– Ты снова уходишь? – ее голос дрогнул, сорвавшись на тихий, отчаянный шепот. – Ты же только что вернулся отсюда! Ты едва не погиб!

Артём хотел что-то сказать, придумать глупую успокаивающую ложь, но Алина не дала ему договорить. Она сделала шаг вперед и судорожно, крепко прижалась к его груди, обняв руками за шею и уткнувшись носом в жесткую ткань плаща. Тёма замер на мгновение от неожиданности, а затем бережно обнял ее в ответ, чувствуя, как мелко дрожат ее плечи. В этом холодном, пропитанном сыростью и страхом метро ее тепло казалось настоящим спасением.

– Я вернусь, обещаю тебе. В этот раз все будет иначе, – тихо прошептал он ей на ухо, и в его сердце шевельнулось яростное желание выжить во что бы то ни стало.

Через двадцать минут Артём отыскал Сашу на платформе у дрезины. Тот сидел на корточках, лениво перебирая пальцами детали своего оружия. Он подошел ближе и коротко обрисовал ситуацию: чип потерян, нужно идти обратно.

Саша выслушал его в абсолютном, привычном безмолвии. Он не вздохнул, не выразил недовольства. Охотник просто медленно поднялся во весь рост, закинул автомат за спину и коротко, тяжело кивнул Артёму. В его обжигающих холодом глазах из-под капюшона читалось странное, мрачное согласие. Он шел со своим другом до самого конца, какая бы обида ни лежала между ними в прошлом.

Но у гермоворот их ждал сюрприз. Мармонт не отпустил

их двоих. Рядом с тяжелыми железными створками стоял массивный, широкоплечий мужчина в потрепанном армейском бронежилете. Его лицо было иссечено глубокими морщинами, а седая щетина и шрам через всю левую щеку придавали ему суровый, хищный вид. В руках он уверенно держал мощный дробовик.

– Знакомься, Тёма, – глухо произнес подошедший Мармонт. – Это Бурый. Бывший напарник и близкий друг твоего отчима. Он ходил с ним на поверхность еще до того, как ты научился держать в руках нож. Он знает те места как свои пять пальцев. И он идет с вами, чтобы эта вылазка не стала для вас последней.

Бурый окинул пасынка погибшего друга оценивающим, тяжелым взглядом, а затем скупой, по-мужски кивнул, крепко сжав его ладонь.

– Твой старик был хорошим человеком, малявка, – басом прорычал Бурый, сплевывая на рельсы. – Я не оставил его тогда, и не оставлю его память сейчас. Пошли подберем вашу игрушку.

Тяжелая железная решетка внутреннего блокпоста Гражданки со скрежетом поднялась вверх. Они втроем шагнули во мрак дикого перегона. В этот раз их путь лежал сквозь туннель не в глухой ночной прохладе, а под аккомпанемент странного, резкого света, пробивающегося из далекого пролома впереди. Наступило условное утро.

Пройдя километр по путям, отряд приблизился к концу

сектора. Перед ними высились те самые гигантские, искореженные гермовороты Гражданского проспекта, которые Артём видел ночью. Вырванные с корнем чудовищной силой изнутри туннелей, многотонные стальные створки были безжалостно вывернуты наружу, словно жестяная банка. Защиты больше не существовало – этот пролом зиял как открытая, незаживающая рана станции, приглашая внутрь любой кошмар с поверхности.

Они осторожно миновали завалы из изуродованного взрывом металла и начали подъем по разбитым, засыпанным бетонной крошкой ступеням эскалатора. Когда они вышли сквозь разрушенный вестибюль наружу, Тёма невольно зажмурился.

Разница с их ночным переходом была колоссальной. Дневное солнце, кое-как пробивающееся сквозь плотную, грязно-серую пелену радиационных туч, безжалостно обнажило весь ужас разрушенного Санкт-Петербурга. При свете дня мертвый город выглядел еще страшнее: желтый, ядовитый туман клубился в низинах воронок от ядерных ударов, остовы трамваев казались скелетами доисторических чудовищ, а серый пепел устилал разбитый асфальт ровным, безжизненным слоем. Мир вокруг был виден до мельчайших, пугающих подробностей.

Бурый уверенно перехватил дробовик, вглядываясь в озаженные блеклым дневным светом руины впереди. Саша молча проверил нож-бабочку на поясе, растворяясь в утренних

теньях зданий. Артём поправил автомат и шел следом, зная, что где-то там, впереди, в тумане Мурино, их уже ждут костяные твари, а дневной свет делает эту охоту еще более непредсказуемой.

Глава 8: Тише воды, ниже травы

Блеклый дневной свет, пробивающийся сквозь грязно-серую пелену радиационных туч, делал сектор «Ноль-Четырнадцать» похожим на гигантское, выцветшее кладбище. Поросшее жухлой, слабо светящейся травой поле казалось бесконечным под этим бледным утренним солнцем. Если ночью тьма скрывала масштабы катастрофы, то сейчас Артём видел всё до мельчайших, пугающих подробностей: искореженные бетонные сваи недостроенных домов торчали из земли как гнилые зубы огромного чудовища, а в воздухе висело плотное, желтоватое марево ядовитых испарений.

Эта излишняя расслабленность подвела его в самом начале пути, сразу на выходе из разбитого вестибюля станции «Гражданский проспект». Бурый, широко шагая, обернулся к парням, чтобы отпустить очередную шуточку, и глупо, неосторожно задел головой торчащий из искореженной стены ржавый строительный штырь. Металл с противным визгом черкнул по стеклу его маски. Противогаз выдержал, но прямо напротив левого глаза по стеклу побежала тонкая, едва заметная паутинка микротрещин. Храбрый штурмовик лишь раздраженно матюкнулся, потер стекло грязной перчаткой и самонадеянно махнул рукой. Ему показалось, что это ерунда, и маска без проблем дотянет до конца вылазки.

– Меньше дрожи в коленях, малявка, – глухо донёсся из-

под поврежденной маски Бурого его хриплый, басовитый смешок, когда они углубились в поле. – Днем все эти ваши ночные кошмары – просто куча вонючего мяса. Твой старик, бывало, и не в такие дыры забирался, и ничего, живыми выходили. Главное – ствол держать крепче и не зевать.

Саша шел чуть левее, полностью игнорируя шуточки штурмовика. Из-под его глубокого капюшона то и дело сверкали ледяные, настороженные глаза, непрерывно сканирующие руины. Артём поправил ремень своего экспериментального автомата. После ночного ремонта затвор ходил плавно, но на душе все равно скребли кошки.

Они подошли к месту ночного взрыва. Земля здесь была перепахана осколками, повсюду валялись куски обгоревших костяных панцирей и бурые капли засохшей крови тварей.

– Ищи свою флешку, инженер, да побыстрее, – скомандовал Бурый, лениво озираясь по сторонам.

Артём упал на колени прямо в грязное месиво. Сердце бешено колотилось в горле. Парень принялся лихорадочно, судорожно рыть пальцами жухлую траву и радиоактивный пепел. Секунды тянулись как часы. Ладони скользили по склизким корням, ногти забивались грязью. И вдруг пальцы наткнулись на что-то маленькое, твердое и прямоугольное.

Есть! Артём вытащил из грязи тот самый военный чип памяти. Пластиковый корпус был исцарапан, но цел.

Стараясь не издавать ни звука, Артём быстро поднялся на ноги и молча, с победной улыбкой под маской противогаза,

протянул чип на ладони, показывая его Саше и Бурому. Саша коротко, с облегчением кивнул.

Но этот триумф длился ровно одну секунду.

Бурый, довольно хмыкнув из-под маски, сделал широкий шаг назад, собираясь с размаху похлопать парня по плечу. Его тяжелый армейский сапог соскользнул с куска бетона и с силой наступил на скрытую в жухлой траве ржавую стальную арматуру.

Дзы-ы-ынь! – на всю пустошь разнёсся резкий, оглушительный металлический звон. Звук срикошетил от руин недостроенных и эхом покатился по полю.

Саша мгновенно замер, и его глаза за стеклом маски расширились от ужаса.

В ту же секунду на ржавых столбах освещения и обломках бетонных опор вокруг них началось страшное шевеление. Прямо там, высоко над землей, гроздьями висели сотни уродливых, грязно-серых коконов, которые они не заметили в тумане. От резкого, вибрирующего звука металла коконы начали синхронно, с противным влажным треском лопаться один за другим, словно перезревшие гнилые нарывы.

Из лопнувших оболочек под блеклое солнце хлынуло густое, фиолетово-сладковатое облако газа. В нос мгновенно ударил приторный, удушливый запах. Артём и Саша инстинктивно замерли, затаив дыхание под своими масками – стандартные, исправные угольные фильтры их противогазов сработали идеально, мгновенно заблокировав летучую отра-

ву. Разум парней оставался абсолютно чистым, но то, что произошло дальше, повергло их в шок.

У Бурого не было шанса спастись. Концентрированный фиолетовый яд, минуя надежный фильтр, под давлением мгновенно хлынул сквозь ту самую глупую, невидимую паутинку трещин на стекле прямо Бурому в лицо. Газ подействовал моментально.

Храбрый ветеран, не боявшийся пули и когтей, полностью сломался под воздействием сладкого яда. В его иллюзиях на него, очевидно, нападало что-то настолько ужасающее, что он начал в панике, вслепую палить из своего тяжелого дробовика во все стороны. Артём в ужасе отпрянул, когда пуля из дробовика Бурого со свистом пролетела над его головой, выбивая гранитную крошку из плиты.

Грохот выстрелов разрывал туман.

– Прочь от меня! Назад, назад! – безумно орал Бурый, отбиваясь прикладом от пустоты.

В припадке безумного, неконтролируемого страха штурмовик сдёрнул с лица треснувший, бесполезный противогаз, пытаясь глотнуть чистого воздуха, но лишь сильнее вдохнул фиолетовый дым. Его глаза налились кровью, лицо исказила жуткая гримаса ужаса. Споткнувшись, он со всего маху рухнул лицом на острый бетонный обломок. Остатки стекла окончательно разлетелись, а острые осколки глубоко вонзились в его собственное лицо.

И этот безумный крик и грохот выстрелов окончательно

пробудили тех, кто скрывался внутри разорванных гнезд.

Из лопнувших на столбах коконов черной, шевелящейся лавиной вниз хлынули истинные хозяева этой ловушки. Это были гигантские, размером с кулак подземные пауки. Тысячи лапок шуршали по ржавому металлу опор, со свистом ссыпаясь на землю. При дневном свете их лоснящиеся, покрытые ядовитыми волосками брюшка выглядели омерзительно.

Ослепленный галлюцинациями, окровавленный Бурый даже не понял, что происходит, когда живой ковер из пауков накрыл его с головой. Насекомые мгновенно облепили штурмовика, забиваясь под одежду, в раны на лице и под разорванный воротник плаща. Храбрый ветеран истошно закричал, падая на колени, но рой безжалостно и свирепо пожирал его живьем прямо на глазах у ребят. Тяжелый бронезилет оказался бесполезен против тысяч маленьких, ядовитых жал. Бурого буквально за секунды разорвали и сглодали на кровавые части, и его предсмертный крик захлебнулся в черном месиве пауков.

Этот жуткий звук и брызнувшая в разные стороны кровь заставили Артёма оцепенеть от ужаса. Он стоял посреди поля, сжимая в руке чип, и во все глаза смотрел на эту мгновенную, страшную расправу.

Чья-то жесткая, сильная рука мертвой хваткой вцепилась в плечо Артёма и рывком потянула назад. Саша. Лицо немого Охотника за стеклом противогаза оставалось бледным, но

сосредоточенным. Он сохранил абсолютный, холодный рас-
судок.

Охотник крутанул в пальцах свою верную бабочку, точ-
ным ударом рассек прыгнувшего на Артёма передового пау-
ка, а второй рукой подтолкнул парня к выходу.

Саша резко указал рукой назад, в сторону спасительно-
го туннеля, призывая немедленно убегать, пока рой не пере-
ключился на них.

Хватаясь за остатки самообладания, Артём сжал в одном
кулаке драгоценный чип, а в другом – рукоять автомата. Они
бросились в бегство через это проклятое, заволоченное фи-
олетовым дымом поле, оставляя позади пирующий на остан-
ках Бурого черную массу. Пауки уже бросались вслед за ни-
ми по траве, но Артём и Саша, подгоняемые чистым ужа-
сом и адреналином, на остатках сил летели к темному зе-
ву «Гражданского проспекта». Они чудом успели влететь
внутри туннеля, и тяжелая внутренняя решетка блокпоста со
скрежетом опустилась, отсекая их от дневного ада поверх-
ности. Бурый погиб, но чип был у них.

Глава 9: Голос из бездны

Тяжелая железная решетка внутреннего блокпоста Гражданки со скрежетом опустилась, намертво отсекая Артёма и Сашу от диких перегонов. Парень без сил прислонился спиной к бетонной стене, сорвал с лица маску противогаза и жадно, со свистом заглотнул тяжелый, пахнувший сыростью и пороховой гарью станционный воздух. Руки до сих пор мелко дрожали, а перед глазами все еще стоял жуткий, шевелящийся черный ковер из тысяч подземных пауков, заживо сожравших Бурого на проклятом поле Мурино.

Они дошли до штаба в полном молчании. Когда Артём толкнул тяжелую деревянную дверь кабинета командира, Мармонт даже не поднял головы от карт – он ждал их. Но стоило командиру бросить быстрый взгляд на бледное, испачканное пеплом лицо Артёма и пустующее место за его плечом, как его пальцы судорожно сжали края стола. Он все понял без слов. На лице сурового командира Охотников проступила глубокая, вековая скорбь ветерана, только что потерявшего последнего старого друга.

– Бурый... – глухо, почти беззвучно выдохнул Мармонт, и его плечи заметно опустились. – Как?

– Ловушка на окраине, сэр, – хрипло ответил Артём, содрогаясь от воспоминаний. – Биологические коконы на столбах. У Бурого еще до этого стекло на маске треснуло, он не

заметил... Газ проник внутрь. Он сошел с ума от галлюцинаций, сорвал противогаз, а потом его сожрал рой пауков. Мы не могли ничего сделать. Но чип у нас.

Парень аккуратно положил прямоугольный кусок пластика на стол. Мармонт долго смотрел на него, словно на ядовитую змею, а затем молча нажал кнопку на селекторе, вызывая станционного техника.

Спустя десять минут камеру заполнил сухой, раздражающий писк. Техник с засаленными волосами лихорадочно колдовал над старым, мерцающим зеленым светом монитором, к которому через кучу самодельных переходников был подключен военный чип.

– Запись сильно повреждена радиацией и сыростью, – пробормотал техник, не оборачиваясь. – Пришлось вырезать куски данных. Очищаю аудио от помех... Запускаю.

Из старых, хрипящих динамиков под потолком сначала донёлся колоссальный, давящий грохот. Звуки яростного боя, автоматные очереди, глухие взрывы гранат и противный визг подземных тварей. Артём невольно сжал кулаки – это был предсмертный бой отряда его отца. И вдруг сквозь треск статических помех прорвался тяжелый, прерывистый хрип. Голос отца. Артёма словно током ударило, шрам на виске отозвался острой ноющей болью.

– Мармонт... если ты это слышишь... – голос отца на записи то и дело прерывался свистом помех. – Нас зажали в Мурино. Искорёженные гермозатворы на выходе не удержат.

жали натиск, эти твари... они прут лавиной. Нам не пробиться назад к Гражданке. Но мы нашли то, за чем нас посылали. В этих развалах мы откопали запечатанный бункер, а в нем – наработки и подробные чертежи. Мармонт, это проект колоссального атмосферного фильтра... Установка способна полностью очищать воздух от радиационной пыли в радиусе километра. Чистый воздух на поверхности, понимаешь?! Жизнь без масок... Но твари прижали нас. Прямо под бункером есть запечатанный технический спуск на самые нижние ярусы. Потайные ходы правительства. То самое Метро-2. Вышние чины бежали по ним во время удара, да там и сгинули. Мы забираем чертежи фильтра и уходим туда, вниз, в катакомбы... Там что-то есть... Мы меняемся... Не ищите нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.